

Перси Шелли (1792-1822)

Своей пламенной верой в полновластный и всеразрешающий разум, своим полным пренебрежением к унаследованным от прошлого человеческим воззрениям, верованиям и привычкам Шелли принадлежит ещё к последователям идей века Просвещения. Как поэт, Шелли принадлежит уже целиком к началу XIX столетия, к тому блестящему возрождению поэзии, которое мы называем романтизмом. Поэтическое дарование Шелли, таким образом, не вполне соответствует его мирозерцанию. Двойственность Шелли, как рационалиста и романтика, мыслителя и художника, проповедника и поэта, составляет самую характерную черту его гения.

Перси Биши Шелли родился в богатой и знатной семье, мечтавшей видеть его крупным политическим деятелем. Мальчик показывал незаурядные способности в словесности и физике и отличался тонким чувством справедливости. Последнее, впрочем, не послужило ему к добру. Уже в Итонском колледже он вступил в постоянные конфликты с окружающими.

Усердно читая Руссо, Гельвеция, Гольбаха, Вольтера, Дидро, Уильяма Годвина, он рано начал писать. Книга "Политическая справедливость" пробудила его симпатии к начинавшему формироваться в творчестве этого писателя утопическому социализму.

В 1810 году Шелли поступил в Оксфорд, но был исключен за атеизм.

Поселившись в Лондоне, Шелли занялся изучением политэкономии, сблизился с Годвиным. Но и здесь его поджидало несчастье: из чувства жалости он женился на шестнадцатилетней дочери трактирщика, постоянно ее избивавшего. Жена Шелли оказалась душевнобольной, что привело к разводу супругов, суд, однако, отказался передать Шелли двух его детей, мотивируя свое решение его атеизмом.

В феврале 1812 года Шелли уехал в Дублин, решив принять участие в национально-освободительном движении ирландского народа, угроза ареста, а также самоубийство бывшей жены заставило Шелли покинуть Англию. Он уехал с дочерью Годвина в Швейцарию.

Уильям Годвин —
английский
журналист,
политический
философ и романист,
предшественник
анархизма.
Муж писательницы-
феминистки Мэри
Уолстонкрафт, отец
писательницы Мэри
Шелли.

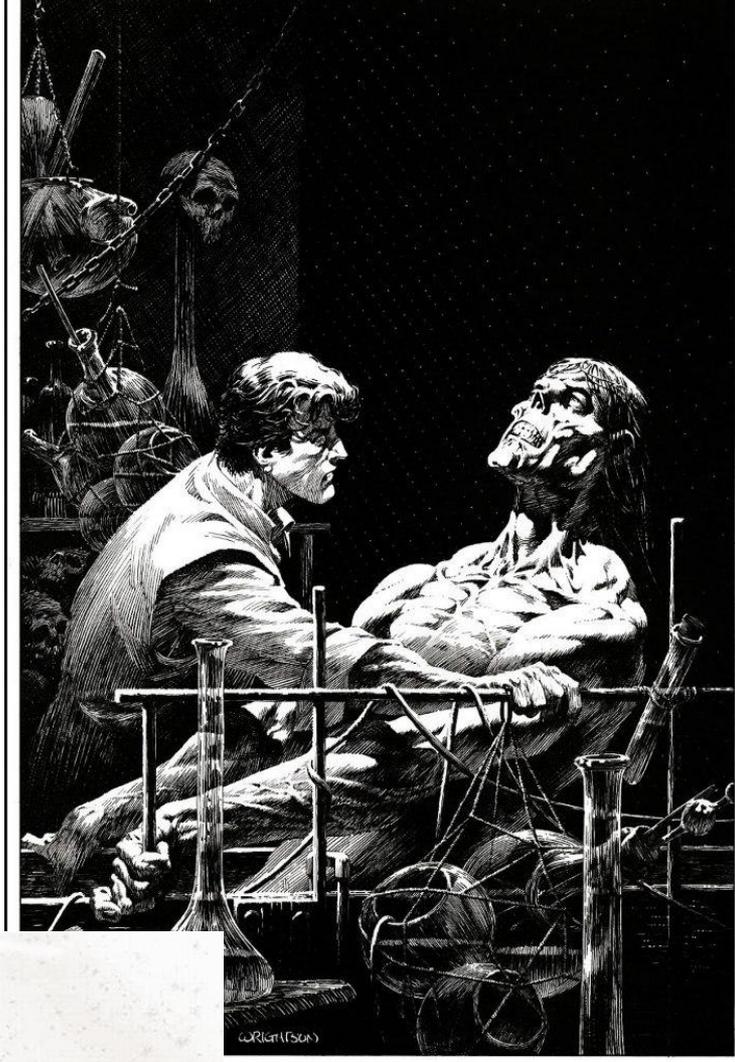
Мэри Годвин

Здесь он подружился с Байроном, и здесь же Мэри Годвин (вскоре - Мэри Шелли) написала своего знаменитого "Франкенштейна".

Через некоторое время Шелли вернулся в Англию, но опасение, что у Мэри и у него отнимут ребенка, заставило его в 1818 году уехать в Италию.

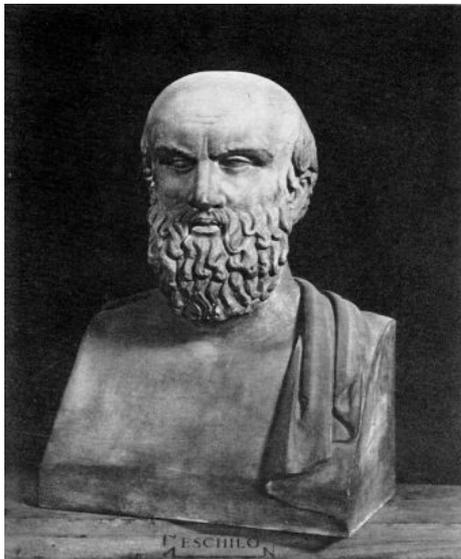
Там они и погибли 8 июля 1822 года, застигнутые на яхте неожиданно разразившейся бурей.

В Италии в 1819 году Шелли пишет лирическую драму "**Освобожденный Прометей**", навеянную стихотворением Байрона.

В этой драме полнее всего сказался пантеизм Шелли. Его Прометей воплощает в себе и человеческое начало, и ту природу, которая соединяет в себе любовь, доброту, потребность в гармонии и созидании.

"Прометей" Шелли написан в полемике с Эсхилом. "Говоря правду, я испытал отвращение к такой слабой развязке, как примирение Поборника человечества с его Утеснителем, - заявляет Шелли в предисловии. - Моральный интерес вымысла, столь мощным образом поддерживаемый страданием и непреклонностью Прометея, исчез бы, если б могли себе представить, что он отказался от своего гордого языка и робко преклонился перед торжествующим и коварным противником".

Черты Прометея, продолжает Шелли, есть у мильтоновского Сатаны (речь идет о поэме Джона Мильтона "Потерянный рай"), но герой **Мильтона** честолюбив, завистлив, мстителен.

Шелли же мечтает создать **образ выразителя революционного духа**, который был бы лишен этих недостатков. Поэтому для него Прометей "является типом высшего морального и интеллектуального совершенства, повинующимся самым чистым бескорыстным побуждениям, которые ведут к самым прекрасным, к самым благородным целям".

«Прометей освобожденный» начинается с предисловия Шелли, в котором объясняет, почему его Прометей именно такой.

Шелли подчеркивает, что греки были достаточно вольными в трактовке событий, и это оценивается им положительно.

Если греческая литература – это образец, «мы все греки», следовательно, вполне можем и поступать как греки. Так, Шелли позволяет себе подобную вольность в интерпретации мифа.

«Прометей» Эсхила предполагал примирение Зевса с его жертвой, как благодарность за открытие тайны – опасности, угрожавшей его власти от вступления в брак с Фетидой. Фетиду отдали в жены Пелею, а Прометей был освобожден Гераклом с соизволения Зевса.

Чем же Шелли не нравится именно такой сюжет?

«Если бы я построил мой рассказ по этому плану, я не сделал бы ничего, кроме попытки восстановить утраченную драму Эсхила, и если бы даже мое предпочтение к этой форме разработки сюжета побудило меня лелеять такой честолюбивый замысел, одна мысль о дерзком сравнении, которую вызвала бы подобная попытка, могла пресечь ее».

Итак, **Шелли не устраивает пустое подражание, это не творчески и не «погречески»**. Также его и не устраивает то, то произведение будут сравнивать с ранее созданным и скорее всего найдут первый вариант пересказанного мифа более удачным.

Однако все же это не главная причина.

Дело в том, что Шелли не может согласиться с такой развязкой мифа, которую предлагает Эсхил: «примирение Поборника человечества сего Утеснителем».

Образ Прометея – это тип нравственного высшего и умственного совершенства, повинующийся самым чистым и бескорыстным побуждениям, которые ведут к

ям. Для Шелли нелогично, что Прометей может отказаться от гордого своего языка и робко склониться перед торжествующим и коварным соперником.

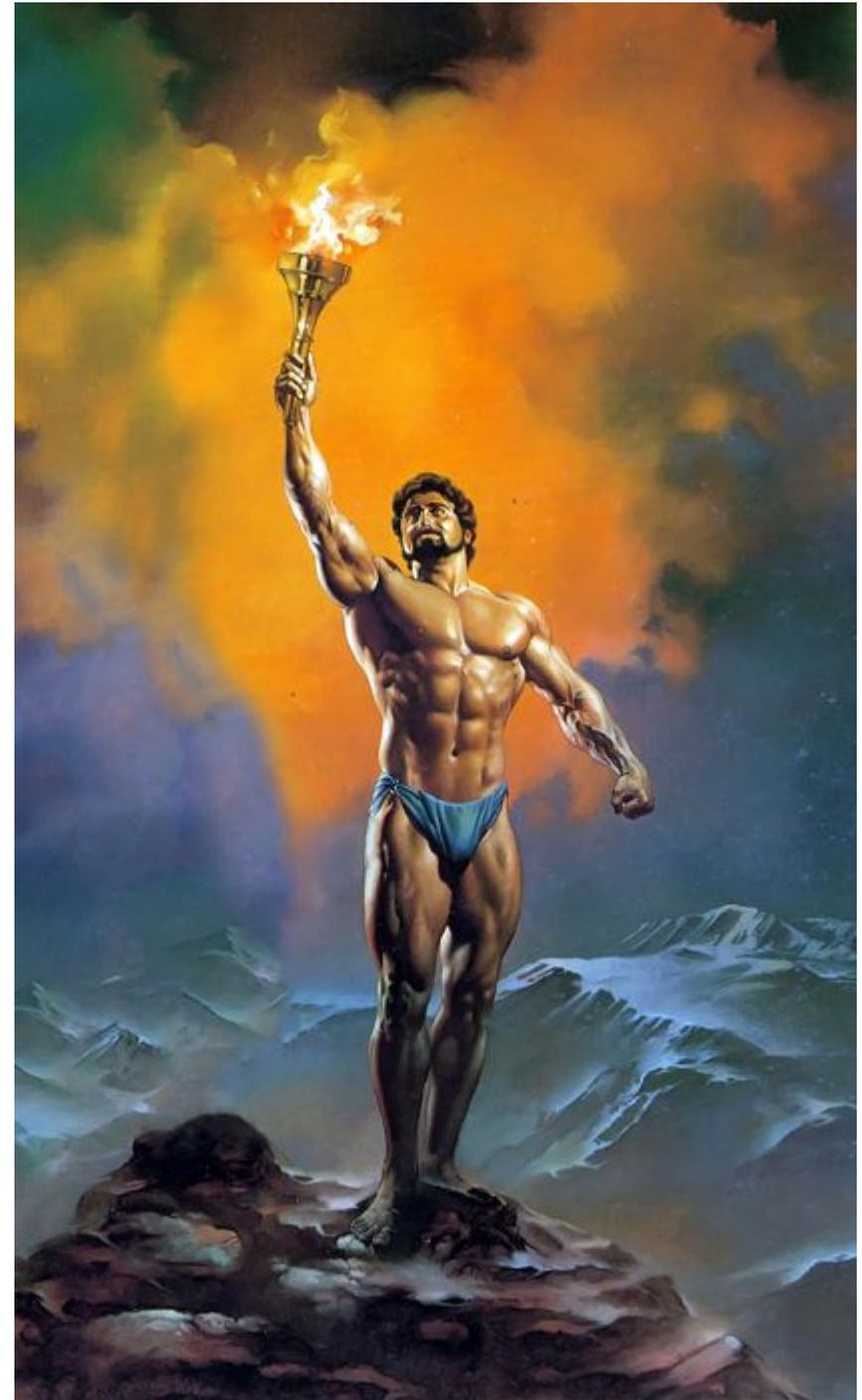
Ведь так бы исчез моральный интерес вымысла, столь мощным образом поддерживаемый страданием и непреклонностью Прометея.

В то же время Шелли отрицает дидактизм своего произведения, т.к. его «задачей до сих пор было – дать возможность наиболее избранному классу читателей с поэтическим вкусом обогатить утонченно воображение идеальными красотами нравственного превосходства».

Итак, герой Прометей, его черты, его характер – все это нравится Шелли.

Миф о Прометее – это некая маска, за которой Шелли прячет свои идеи.

В то же время эти идеи достаточно легко читаемы как раз из-за того, что это миф о **Прометее** – герое, который олицетворяет **борьбу и благородство**.

Поэтому Шелли и выбирает этот образ для своего произведения, поэтому остается и сюжетная **завязка**: противостояние Прометея и Зевса, заставляющего благородного героя страдать.

Однако далее различия очевидны. Прежде чем их подробно рассмотреть, также стоит отметить, **что именно Шелли пытался сказать с созданием именно такого Прометея**. Ведь миф мифом, а Шелли – это представитель революционного романтизма, а его лирическая драма – это одно из крупнейших революционно-символических произведений.

СПРАВКА:

**Утопический
социализм**

Учение об идеальном обществе, основанном на общности имущества, обязательном труде, справедливом распределении.

Понятие "утопического социализма" восходит к сочинению Т. Мора "Утопия" (1516).

В отличие от просветителей, Шелли, как и утопические социалисты, рассматривает историю не как цепь ошибок и заблуждений, но как закономерное, хотя и трагическое для человечества, поступательное движение.

Общественная среда играет в их исторических концепциях значительно более активную роль. В то же время, не признавая классовой и политической борьбы и ограничивая борьбу за переустройство общества пропагандой своих идей, утопические социалисты оставались в своем понимании истории на позиции идеализма.

Так, важно отметить, что у Шелли доминирующим является убеждение, что **только после освобождения человечества от социального рабства станет возможным нравственное «возрождение» человека.**

Итак, уже сейчас очевидно, что идейная структура у «Прометей освобожденного» сложнее, чем у его первоосновы, что и логично – литература развивается.

Действительно народная легенда претерпевает в истолковании Шелли серьезные изменения. Он насыщает ее **новым историческим содержанием**.

Как выдающееся произведение своего времени, «Освобожденный Прометей» Шелли явился выражением не только национального – английского или итальянского – но и общеевропейского опыта освободительной борьбы против феодальной реакции и капиталистического гнета. Отсюда – широкий охват явлений в «Освобожденном Прометее», где действие разворачивается на необъятном фоне всего мироздания.

Шелли словно со скалы, где прикован его герой, видит как на ладони многообразные страдания человека. «Взгляни с высот на Землю, смотри, там нет числа твоим рабам», - восклицает он устами Прометея.

Причины мучений Прометея Шелли исторически объяснимы: **они коренятся в положении угнетенных народов.**

Зрелище народных бедствий, порабощение и эксплуатация, разорение, голод, нищета широких трудящихся масс – вот что терзает Прометея.

Видишь мертвые поля.

Видишь, видишь вся зем

Кровью залита...

Шелли создавал «Освобожденного Прометея» в обстановке подъема национально-освободительного и рабочего движения в Европе, которое росло, несмотря на противоборствующие силы реакции.

Это и определило пафос «Освобожденного Прометея».

Пафос Шелли – пафос не страданий, как у Эсхила, а пафос борьбы и победы.

Прометей Шелли

...вступил в борьбу

И встал лицом к лицу с коварной силой

Властителя заоблачных высот,

Насмешиливо глядящего на Землю,

Где стонами измученных рабов

Наполнены безбрежные пустыни.

Он смеется над пытками и истязаниями, которым его подвергает Юпитер. Силы свои Прометей черпает в борьбе народов.

И драма развивается в обстановке напряженной борьбы, в **которую втянуты все силы вселенной:**

Вот обманутый народ

От отчаянья восстал,

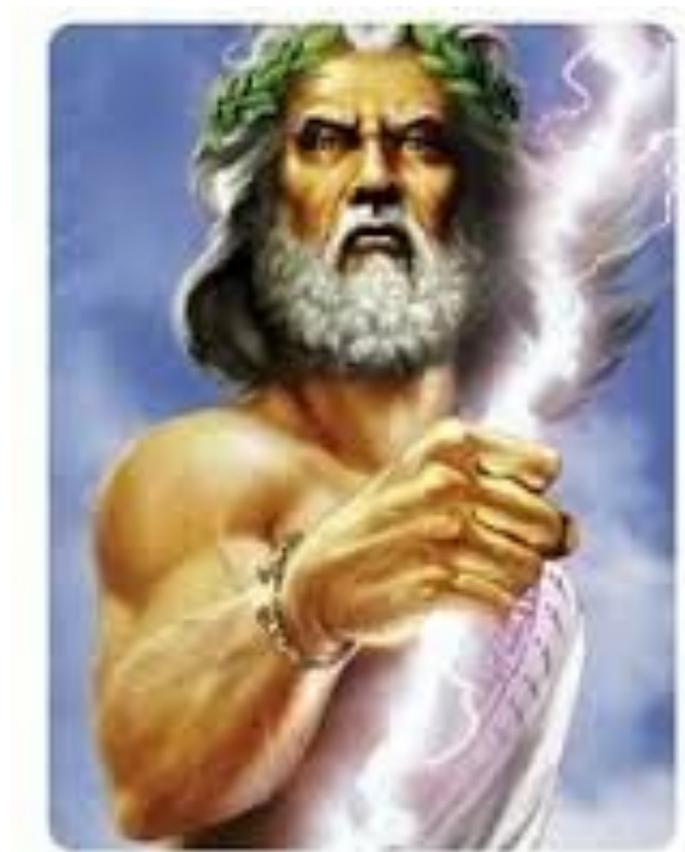
Полднем ярким заблистал,

Правды хочет, правды ждет,

Зевс у Шелли – **воплощение социального зла, угнетения**, - старается внушить себе, что все по-прежнему спокойно в его царстве, но дух всенародного возмущения подрывает его могущество, нарушает его покой.

Моей безмерной силе все подвластно,
Лишь дух людской, огнем неугасимым.
Еще горит, взметаясь к небесам,
С упреками, взметаясь к небесам,
С упреками, с сомнением, с буйством жалоб,
С молитвой неохотной – громоздя
Восстание, способное подрываться
Под самые основы нашей древней
Монархии, основанной на вере

Зевсу также приданы черты греческого «тирана»: он неблагодарен, жесток и мстителен. Зевс противопоставляет титану только грубую силу, в то время как вся природа сочувствует Прометею.

В ряде ярких картин Эсхил рисует **низость и угодничество смирившихся перед Зевсом богов** и **свободолюбие Прометея**, предпочитающего свои муки рабскому служению у Зевса, несмотря на все уговоры и угрозы:

Знай хорошо, что я б не поменял

Своих скорбей на рабск

Финал «Освобожденного Прометея» написан в духе социально-утопических взглядов Шелли. Драма завершается картиной освобождения человечества.

Итак, у Шелли **Прометей** – герой **тираноборец**, который смог добиться того, что «оковы тяжкие падут, темницы рухнут, и свобода нас примет радостно у входа».

Зевс – его противник, тот самый **тиран**, который буквально мешает жить людям.

Прометей идет до конца – и он смог выстрадать низвержение Зевса, пришел его час расплаты за содеянное.

Образ Прометея, человеколюбца и борца против тирании богов, воплощение разума, преодолевающего власть природы над людьми, стало символом борьбы за освобождение человечества.

Глубоко религиозный Эсхил в условиях раннего рабовладельческого общества не мог полностью раскрыть ту революционную и богоборческую проблематику, которая им самим же была намечена.

Таким образом, Шелли продолжает «революционную тему» в своем «Прометее», только теперь уже разрабатывается чисто **тираноборческая тематика**, и у Шелли она ярко выражена.

Прометей в мифе

Прометей, один из титанов, т.е. представителей «старшего поколения богов» - друг человечества.

В борьбе Зевса с титанами Прометей на стороне Зевса, но когда Зевс, после победы над титанами, вознамерился уничтожить людской род и заменить его новым поколением, Прометей этому воспротивился.

Он принес людям небесный огонь и пробудил к сознательной жизни.

Изначально Прометей и в сюжетной концепции мифа, и у Шелли – непреклонен перед лицом судьбы. Однако в мифе титан соглашается выдать Зевсу тайну, чтобы освободиться. Т.е. фактически идет на сделку со Злом ради собственной выгоды.

Прометей Шелли на такое не пойдет. **Прометей отказывается покориться тирану.** Он верит, что «любовь, свобода, правда» восторжествуют, он вспоминает свое страшное проклятие тирану и не сомневается, что деспот падет и возмездие — бесконечная мука вечного одиночества — постигнет его.

Прометей у Шелли

Прометея Шелли мы видим уже прикованным к скале. Он напоминает Зевсу, что помог ему завоевать трон. А тот ему ответил тем, что насылает на него мучения и на людей.

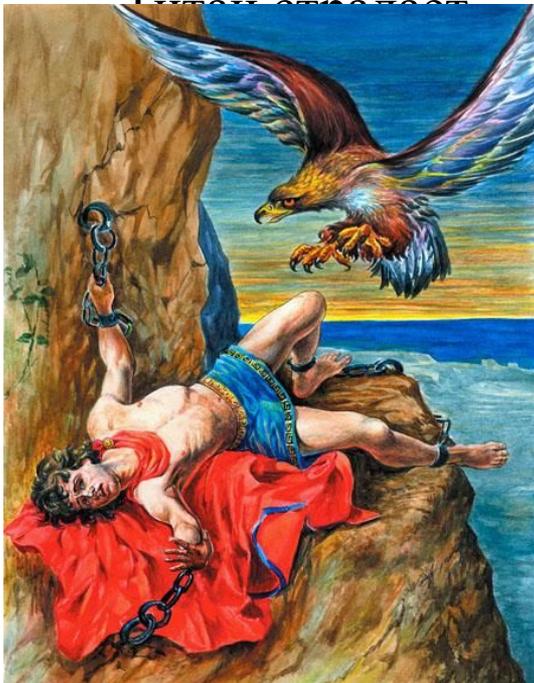
Покориться же Зевсу титан не намерен, хотя его тело терзает по воле Зевса кровожадный орел, а ум и душу – фурии.

(Возможно, здесь под фуриями имеется в виду некое олицетворение соблазна, грехов и страстей. Именно поэтому терзают ум и душу, т.е. одолевают Прометея, мешают им, пытаются столкнуть с его пути.)

Прометей в мифе

Зевс возненавидел людей, которым Прометей даровал огонь и светоч знания, и теперь насыляет беды на все человечество.

За услуги, оказанные людям, Зевс наказывает и титана: он прикован к горам Кавказа в пределах Скифии, где орел выклевывает ему печень, ежедневно вырастающую вновь.

Прометей у Шелли

Он верит и надеется, видит свое предназначение «быть опорой, спасителем страдальца-человека».

Прометей предстаёт как некий вождь (в то же время и страдалец), который приведет людей к счастью и освободит от гнета тирана.

Его поддерживает не только вера в свою правоту и веру в людей, но и любовь к возлюбленной Азии.

Именно Азия идет к Демогоргону, который достаточно интересно судит о м

Прометей в мифе

Однако Прометей внутренне торжествует над Зевсом, будучи хранителем древней тайны: он знает, что женитьба Зевса на богине Фетиде приведет к рождению мощного сына, который свергнет Зевса.

Прометей сознает, что власть Зевса не вечная, как и власть его предшественников, ибо это воля "трехликих" мойр и "памятливых" эриний.

Именно незнание будущего страшит Зевса, и он освобождает Прометея в обмен на раскрытие тайны. *Зевс достаточно человечен, что не могло быть в мифе. Это именно образ тирана, который наслаждается своим могуществом. Единственное, что раздражает его, — это непокорство человека, подрывающего его самодержавную власть. Создается типичный образ угнетателя народным масс и на контрасте с ним — благородный мученик Прометей.*

Прометей у Шелли

Час свержения Зевса пришел, за ним является Демогоргон — и Зевс падает вниз в мрак.

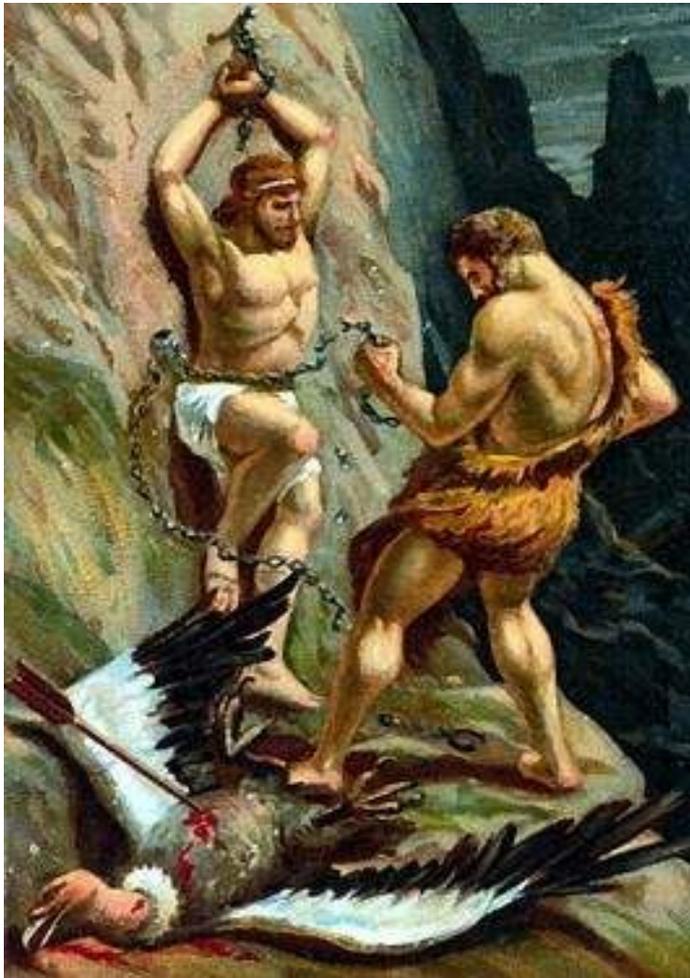
Радость охватывает богов при вести о падении тирана.

На колеснице Духа Часа в Кавказские горы спускаются Азия и Пантея.

Прометей в мифе

Зевс отправляет на подвиг своего великого сына Геракла, чтобы, освободив Прометея, тот еще больше прославил себя.

Прометей у Шелли

Геркулес освобождает Прометея от цепей, Прометей несказанно счастлив видеть прекрасную возлюбленную Азию, строит планы новой радостной жизни для себя и спасенных им людей. Земля рассказывает ему и Азии о своих мучениях, когда повсюду на ней властвовал дух вражды.

Ко всеобщей радости Дух Часа сообщает, что после падения тирана-самодержца среди людей произошли большие перемены: «презрение, и ужас, и ненависть, и самоунижение во взорах человеческих погасли», «исчезли ревность, зависть, вероломство»..

Демогоргон – это также еще один образ-символ в драме Шелли. Интересно, что Demogorgon (Демогоргон) - греческое имя дьявола, не должно быть известным смертным. Демогоргон — «мощный мрак», не имеющий «ни ясных черт, ни образа, ни членов». Это нечто, выражающее, по-видимому, Зло. Когда он приходит к Зевсу, то называет себя «вечностью». Что это? Вечное зло? Вечно его существование? Именно он предлагает Зевсу сойти с ним в вечную тьму, таким образом, освобождая Прометея и людей от гнета тирана, ведь час к этому пришел.

Т.е. образ Демогоргона – это образ справедливого карающего Зла (что, конечно, не могло быть в мифологии), это не бог подземного мира Аид, это нечто высшее, что может покарать Зевса. Это дух Изменчивости и Развития.

Угнетатель свержен. Все ликуют. Спустившись на землю, Прометей и Азия слышат, как Духи Разума людского воспевают торжество свободы и любви. Чудесные видения проносятся перед ними, и среди них — прекрасный **Дух Земли, дитя Азии.**

Земля описывает невероятное преображение мира: «...Болото мысли, спавшее от века, / Огнем любви возмущено... / ...Из многих душ единый дух ВОЗНИК».

Такого также нет в мифе.

Прометей освобожден, но это не является ликованием всей природы. Его освобождение скорее на руку Гераклу, который совершает свой очередной подвиг.

В мифе освобождение Прометея – это результат сделки с Зевсом, результат высшей милости.

Прометей Шелли не унизился до этого, он получил заслуженное освобождение.

В четвертом акте «Освобожденною Прометея» развернуты картины счастливого будущего. По представлениям Шелли, в будущем наступит расцвет нравственных и духовных сил человека, который будет жить в обществе, основанном на свободном труде, равенстве и мире. Могущество человека будущего, покоряющего природу, сравнивается в поэме с могучей силой солнца.

Рисуя картину будущего Шелли сближается в этой поэме с воззрениями утопических социалистов. Поэт **верит в исторический прогресс и убежден, что путь к светлому будущему лежит через острую и напряженную борьбу против тирании.**

В этом преимущество Шелли перед социалистами-утопистами, которые полагались на естественный переход к социализму, без борьбы и активных политических действий.

Шелли, однако, наивно представлял себе будущее социальное устройство; революционную борьбу он понимал только как **уничтожение тирании.**

Новое в раскрытии темы Прометея у Шелли:

1) в том, что главное внимание сосредоточено здесь на создании картин **торжества человечества над силами рабства и угнетения, на показе красоты жизни освобожденного человечества.** Это своеобразное продолжение темы Прометея «во времени» придало ей новое освещение. Непреклонное мужество и стоицизм Прометея неотделимы в драме Шелли от тех целей, во имя которых Прометей боролся с Зевсом.

2) новое, что вносит Шелли в тему Прометея, тесно связано с одной из сильнейших сторон его социальной мысли: его **верой в прогресс, в торжество возмездия тиранам за все муки человечества.**

Полнее, чем в каком-либо другом его произведении, отразилась здесь идейная близость поэта к утопическому социализму, с которым его связывает не только острая критика буржуазных отношений, но и взгляд на сам исторический процесс.

«Ченчи» (1820)- пятиактная трагедия, написанная белым стихом

В этой трагедии Шелли, о чем автор писал в предисловии к ней, постарался отдалиться от той собственно лирической стихии, которая заметно преобладала в "Освобожденном Прометее", и создать произведение, отвечающее задачам драматического жанра.

Трагедия писалась для сцены, и Шелли предназначал главную женскую роль для актрисы "Ковент-Гардена" Элизы О'Нил.

В роли старика Ченчи он мечтал увидеть Эдмунда Кина.

Однако от директора театра, которому он послал пьесу, он получил ответ, звучавший следующим образом: "Ковент-Гарденские подмостки не могут быть опозорены представлением пьесы с таким возмутительным содержанием, и мисс О'Нил сочтет за оскорбление даже самое предложение играть в ней какую бы то ни было роль".

Впервые на сцене эта пьеса появилась в 1886 году в клубной постановке "Общества Шелли" и с тех пор ставилась нередко.

В 1920 году трагедия Шелли была поставлена К. Марджановым в театре Корша.

Граф Ченчи, богатый римский вельможа, глава большого семейства, прославился своим беспутством и гнусными злодеяниями, которые он даже не считает нужным скрывать.

Он уверен в своей безнаказанности, потому что даже папа, осуждая его грехи, готов простить их графу за щедрые подношения. В ответ на увещевания и укоры окружающих Ченчи без тени смущения заявляет:

«Мне сладок вид агонии и чувство,
Что кто-то там умрет, а я живу.
Во мне нет ни раскаянья, ни страха,
Которые так мучают других».

Даже к собственным жене и детям граф Ченчи не испытывает ничего, кроме злобы, презрения и ненависти. Не смущаясь присутствием папского кардинала Камилло, он посылает проклятия сыновьям, которых сам же выслал из Рима. Распад и гибель семьи под влиянием «голого чистогана» осмысляется Шелли как величайшая трагедия его времени.

Несколько позже он устраивает пышный пир, на котором, совершенно счастливый, возносит Богу хвалы за воздаянье сыновьям.

Сидящая рядом дочь Ченчи, красавица Беатриче, начинает подозревать, что с братьями произошло несчастье — иначе с чего бы отцу так ликовать.

И впрямь, Ченчи объявляет ей и ее мачехе Лукреции, что два его сына мертвы: одного задавил рухнувший церковный свод, другого по ошибке зарезал ревнивый муж. Беатриче знает, что старший брат Джакомо разорен отцом и влачит с семьей жалкое существование. Девушка чувствует, что следующей жертвой может стать она, отец уже давно бросает на нее похотливые взгляды.

В отчаянии Беатриче обращается к высоким гостям, ища у них покровительства и защиты. Но гости, зная вспыльчивый и мстительный характер хозяина, смущенно расходятся.

Беатриче, с юности влюбленная в Орсино, ставшего священником, еще надеялась, что прошение Орсино римскому папе будет принято, папа снимет с возлюбленного сан, они смогут пожениться, и тогда ей удастся ускользнуть из-под власти душегуба-отца; однако приходит весть, что прошение Орсино вернулось нераспечатанным, папа не пожелал вникать в эту просьбу.

Близкий к папе кардинал Камилло дает понять — папа, уверенный, что дети обижают старого отца, поддерживает сторону графа, хотя и заявляет, что намерен соблюдать нейтралитет.

Беатриче чувствует, что ей не выбраться из паучьей сети отца.

В III акте Беатриче появляется у любящей ее мачехи Лукреции в полном отчаянии, ей чудится, что в голове у нее разверстая рана: ум ее не может постигнуть всю чудовищность произошедшего.

Насилие свершилось, Беатриче обещана собственным отцом.

Девушка отвергает мысль о самоубийстве, поскольку в глазах церкви это великий грех, но где ей искать защиты?

Лукавый Орсино советует подать в суд, но Беатриче не верит в справедливость суда, поскольку даже римский папа не считает нужным вмешиваться в злодейские деяния ее отца, а небеса словно бы даже помогают Ченчи.

Не надеясь найти понимание и поддержку где-либо, Беатриче вместе с прежде кроткой и богобоязненной мачехой Лукрецией начинает строить планы убийства тирана.

В качестве исполнителей Орсино предлагает использовать двух бродяг, которым «все равно, что червь, что человек». По замыслу Беатриче, убийцы должны напасть на Ченчи на мосту над пропастью по дороге в замок, куда граф намерен отослать дочь и жену, чтобы там без помех издеваться над ними. К заговорщикам присоединяется раздавленный жестокостью и вероломством отца Джакомо.

Все они с надеждой ждут вести о смерти Ченчи, но выясняется, что тирану опять повезло: он проехал мост часом раньше назначенного времени.

В горном замке, перед женой, Ченчи дает волю своим низким чувствам и помыслам. Он не боится умереть без покаяния, не боится Божьего суда, считая, что черная душа его — «бич Божий». Он жаждет насладиться унижением гордячки Беатриче, мечтает лишить своих наследников всего, кроме обещанного имени.

Услышав, что дочь проявляет непокорство и не является по приказу отца, Ченчи обрушивает на нее многочисленные чудовищные проклятия. Его душа не знает ни любви, ни раскаяния.

Ясно сознавая, что другого пути избежать новых мук и унижений у нее и ее родных просто нет, Беатриче окончательно решается на отцеубийство.

Вместе с братом и мачехой она ждет наемных убийц, надеясь, что Ченчи уже мертв, но те приходят и сознаются, что не посмели прикончить спящего старика.

В отчаянии Беатриче выхватывает у них кинжал, готовая сама свершить казнь тирана. Устыдившись, убийцы удаляются и спустя недолгое время объявляют, что Ченчи мертв.

Но не успевают Беатриче, ее младший брат Бернардо, Лукреция и Орсино испытать облегчение при этой вести, как появляется легат Савелла и требует графа Ченчи — ему предстоит ответить на ряд серьезных обвинений.

Легату сообщают, что граф спит, но миссия Савеллы не терпит отлагательства, он настаивает, его ведут в спальню, она пуста, но вскоре под окном спальни, в ветвях дерева обнаруживают мертвое тело Ченчи.

Разгневанный Савелла требует, чтобы все отправились с ним в Рим для расследования убийства графа. Заговорщиков охватывает паника, одна Беатриче не теряет мужества.

Она гневно обвиняет слуг закона и папского престола в бездействии и потворстве преступлениям отца, а когда возмездие свершилось, то тех, кто прежде просил, но не получал защиты от притеснений тирана, теперь с готовностью осуждают как преступников.

Однако суд над ними неизбежен, их всех отправляют в Рим. Пойманный наемный убийца под пыткой признается в содеянном и подтверждает вырванные у него на дыбе обвинения.

Тогда Беатриче обращается к суду с пылкой речью о сомнительной ценности получаемых таким образом признаний.

Речь ее настолько потрясает убийцу, что, устыдившись собственного малодушия при виде мужества этой прекрасной девушки, он отрекается от своих показаний и умирает на дыбе

Однако брату и мачехе Беатриче мужества недостает, и они под пытками тоже признаются в заговоре с целью убить Ченчи. Беатриче упрекает их за слабость, но главные упреки обращает не им, Она осуждает «правосудье жалкое земное, безжалостность небесную» за попускание злодейству. При виде такой твердости духа ее родные раскаиваются в собственной слабости, и у Беатриче хватает сил их утешать.

Римский папа, которого младший сын Ченчи, непричастный к убийству отца, просил помиловать его родных, остается глух к его мольбам. Жестокосердие папы поразило даже хорошо знающего его кардинала Камилло.

Вердикт папы неизменен: заговорщики должны быть казнены.

Весть о скорой смерти сначала вносит смятение в душу Беатриче: ей, такой молодой и прекрасной, жаль расставаться с жизнью; кроме того, ее пугает мысль: а вдруг за гробовой доской «нет ни Небес, ни Бога, ни земли — а только тьма, и пустота, и бездна...» Вдруг и там ее ждет встреча с ненавистным отцом?

Но потом она овладевает собой и неожиданно спокойно прощается с родными. Беатриче поправляет прическу Лукреции, просит ей самой завязать волосы простым узлом. Она готова мужественно, с достоинством встретить смерть.

Этот трагический эпизод из далекого прошлого Италии таил в себе большие возможности для драматурга, творящего по канонам романтического искусства (от эстетики которого Шелли не мог сразу отойти): тут имелись необходимые романтику мрачные, кровавые события, создающие атмосферу ужасов, резкое деление всех персонажей на две антагонистические группы - на угнетенных и на угнетателей, на злодеев и их жертвы - сцены убийства, пытки в застенках инквизиции и т. д. - все это давало возможность воспроизвести фантастический, зловещий колорит эпохи барокко.

В центре пьесы Шелли - трагический конфликт между прекрасной и чистой девушкой Беатриче, с одной стороны, и чудовищным тираном Франческо Ченчи, ее отцом, - с другой. Одинокая героиня, скорее протестующая, чем активно борющаяся со своим тираном, стремление драматурга вызвать жалость и сочувствие у зрителей - все это было типично для романтической драмы первой половины XIX века. Главная цель такой драмы заключалась в том, чтобы изумлять, поражать необыкновенностью, исключительностью системы образов и необычайностью сюжета.

Однако без особого труда можно заметить, что Шелли, используя традиции романтической драмы, вместе с тем внес много принципиально нового в каноны романтической драматургии, и это новое прокладывало путь подлинно народной драме, которая могла бы оживить английский национальный театр, переживавший глубокий идейный кризис в начале XIX века (после смерти Шеридана).

В отличие от своих ранних, откровенно-тенденциозных поэм, Шелли нигде не подчеркивает атеистических и революционных идей, которыми насыщена пьеса.

Духовное перерождение нерешительной, молчаливо страдающей героини обосновано неопровержимой логикой событий, превращающих ее в сурового и беспощадного судью и мстителя. В первых явлениях Беатриче предстает перед нами как нежная и любящая сестра своих несчастных братьев, скромная девушка, глубоко сочувствующая страданиям своей мачехи. Она религиозна, поэтому уповает на милосердие бога и надеется на помощь со стороны папы. Вместе с тем в ее характере заметна большая цельность чувств, она ненавидит лицемерие и ложь, столь характерные для высшего римского общества той эпохи.

Презрев старинный обычай, запрещающий девушке первой заговорить о своих чувствах, Беатриче открыто признается Орсино в любви. Более того, убедившись, что ее выбор был большой ошибкой, она находит в себе силы отказаться от своей любви, сосредоточить все помыслы на освобождении себя и своих близких из-под гнусной власти Франческо Ченчи. Нелегко далось ей решение пойти против воли преступного отца.

Некоторые элементы трагедийного стиля драмы «Ченчи» близки шекспировской традиции (быстрая смена эпизодов, большие монологи, белый стих). Очевиден факт влияния таких трагедий, как «Макбет» и «Король Лир».

Шекспировское влияние ощутимо в монологе размышляющей о жизни и смерти Беатриче.

Мысли героини напоминают философские раздумья Гамлета.

Психологическое состояние Джакомо, задумавшего убить своего отца Ченчи, близко к переживаниям Отелло в сцене убийства Дездемоны.

Однако персонажи Шелли-романтика не стали полнокровными характерами.

Его герои - воплощение определенного принципа; они одноплановы, лишены жизненной противоречивости.

Столкновение героев - это конфликт разных принципов. Отсюда - резкое противопоставление противоположных фигур.

В предисловии к «Ченчи» Шелли высказал свои взгляды на трагедию и трагическое. Он поднял вопрос о народности трагедии. Чтобы вызвать сочувствие людей, содержание трагедии должно иметь «национальный и всеобщий интерес». Великими образцами трагедии Шелли считает «Короля Лира» Шекспира и две трагедии Софокла об Эдипе. Высших нравственных целей трагедия достигает путем воздействия на чувства человека, вызывая его симпатии и антипатии к тому, что изображается. Трагедия учит познавать человеческое сердце, учит мудрости, справедливости, искренности, терпимости и доброте.